

ДЖ. СКОТТ. БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВА. М.: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА, 2005. — 568 с.

Люби то, что тебе предназначено.

О. Хаксли

Данную книгу можно назвать прекрасным образцом романа-антиутопии. В ней красочно и убедительно, на огромном эмпирическом материале доказывается, что нельзя никого осчастливить принудительно.

Главное действующее лицо в книге Дж. Скотта — это государство. Для того чтобы успешней выполнять свои функции (защита границ, правовое регулирование, социальная опека) оно стремится к упрощению и структурированию жизни граждан. На это направлены такие его действия, как введение единых денежных знаков, универсализация языка и права, перепись населения. Государство искренне хочет улучшить условия жизни граждан, при этом оно считает, что лучше них знает, что для этого нужно. Наиболее опасным реорганизатором представляется авторитарное государство, поскольку у него максимальное количество возможностей для претворения своих планов в жизнь.

Термин «высокий модернизм» Скотт позаимствовал у экономиста Дэвида Харви и обозначил им веру в научно-технический прогресс и высшую рациональность. Высокий модернизм — логическое продолжение цивилизационного развития, увеличения и распространения научных знаний. Основные высокомодернистские проекты Скотт относит к XX в., однако они произрастают из XVIII в. — эпохи прославления человеческого разума. Дальнейший научно-технический прогресс и индустриализация Европы в XIX в. создали плодородную почву для высоких модернистов XX в. Ленина и Нимейера можно в этом смысле назвать последователями Петра I или Сен-Симона.

Скотт пишет, что планы слишком схематичны и не могут передать множественность всех реалий. Мы бы сказали несколько иначе: планы как раз обладают точностью, которой лишены живые объекты. Если мы говорим о чертеже ракеты, то точное следование плану действительно является залогом успеха. Но если мы рассуждаем о социальной инженерии: конструировании социальных институтов, проектах переустройства жизни людей или природы — точное их исполнение не является достоинством. Высокомодернистские проекты создаются не для конкретных живых людей, а для абстрактных субъектов, и не предусматривают стихийных и случайных отклонений от намеченного плана. Скотт вслед за Л. Толстым говорит, что успех определяется именно спонтанностью. Каким бы талантливым ни был архитектор и какой бы идеальный город он ни нарисовал на бумаге, люди, которые будут в нем жить, не идеальны. Этот разрыв между идеальным планом и неидеальными объектами, в которые он воплотится, создает серьезный вакуум. Образовавшийся промежуток и займут неформальные практики, связи, отношения, не предусмотренные творцом. Они сгладят острые углы и впадины. Однако если архитектор будет настаивать на мельчайшем следовании своим чертежам, то претворение проекта в жизнь пройдет крайне драматично и окончится неудачей.

Скотт ни в коем случае не относит высокий модернизм к рангу отрицательных явлений. Его цели благородны, но используемые средства спорны. Ученый выступает не против высокого модернизма в целом, а лишь против его наиболее ортодоксальных вариаций, обусловленных авторитарностью проводящего их в жизнь государства. По мнению Джеймса Скотта, внедрение модернистских проектов было бы более успешным, если бы они учитывали локальные особенности. В связи с этим ученый приводит пример из истории советской коллективизации, когда детальный план колхоза «Верблюд», созданного около Ростова-на-Дону, был разработан в чикагском номере гостиницы людьми, никогда не видевшими этого «ростовского верблюда». Социальным планам переустройства, не имеющим связи с конкретным социумом, уготована участь бюрократических монстров.

Для успешной реализации проектов необходимо знание, которое автор именует «метис». Это название Скотт позаимствовал у древних греков, в переводе оно означает «хитроумие». Метис — знание, которое можно получить только из практического опыта (с. 498). Скотт иллюстрирует это очень точным примером. Переселенцы в Америке испытывали трудности со временем посадки там кукурузы. И тогда индеец по имени Скванто подсказал им, что высевать кукурузу надо тогда, когда молодые листочки дуба станут величиной с беличье ушко. Это пример знания, которое может применяться везде, где есть дубы и белки, и быть верным именно для конкретной местности (с. 496).

Природа возникновения метиса лежит в отсутствии специалистов и денежных средств для решения проблемы. Поэтому люди вынуждены сами путем длительных наблюдений выявлять (именно выявлять и замечать, а не изобретать в лаборатории) механизмы, необходимые для выживания. Интересным примером может служить способ борьбы с эпидемиями в дореволюционных деревнях. Когда в деревне случалась сильная эпидемия, все жители должны были собраться и построить за три дня церковь из свежесрубленных сосен, а потом возвестить об окончании строительства сильным колокольным звоном. Впоследствии было выявлено, что свежесрубленная сосна и колокольный звон действительно обладают антисептическим действием. Дж. Скотт приводит схожие примеры, связанные с появлением и распространением прививок (с. 514).

Расцветом использования местного знания можно назвать, пожалуй, Средневековье, когда каждый в отдельно взятом натуральном и отрезанном от остального мира хозяйстве вел деятельность в соответствии с местными традициями. Сейчас глобальное знание превалирует над локальным, и само по себе это явление Скотт рассматривает как достижение человеческой цивилизации. Отрицательный момент заключается в том, что глобальное знание зачастую отвергает всякое другое, появившееся вне его парадигмы.

Скотт анализирует последствия грандиозных, но отвлеченных проектов по переустройству жизни. Он подробно рассматривает крушение высококомодернистских планов на примере развития научного лесоводства в Германии, тотального строительства города Бразилиа, принудительного переселения крестьян в Танзании, советской коллективизации.

Лес, построенный по линейке и ориентированный исключительно на потребительские запросы человека, был обречен. Никчемные для государства

лишайники и кустарники оказались жизненно необходимы деревьям. «Казарменный порядок» в лесу привел к его гибели.

Не только деревья, но и люди не стремятся жить среди исключительно прямых углов. Геометрически правильная и неимоверно просторная Бразилиа оказалась неудобной для повседневной жизни. Новая Бразилиа должна была стать городом, «преобразующим жизнь своих граждан» (с. 196). Однако получилось наоборот. Большинство населения проживает на территории стихийной застройки, не предусмотренной планом. Правда, это ничуть не смущает туристов, восторгающихся просторными площадями и монументальными зданиями Бразилиа. Поэтому данный высокомодернистский проект можно назвать наиболее удачным из всех описанных.

В основе насильственного переселения танзанийских крестьян в распланированные чиновниками деревни лежали благие намерения государства, стремившегося сделать сельское хозяйство более прибыльным, а уровень жизни населения — более высоким. Но крестьяне, оторванные от привычных мест обитания, вынужденные выращивать культуры, запланированные чиновниками, а не подсказанные многолетним опытом возделывания земли, отказывались жить в новых деревнях. Линейная монокультурность как сельскохозяйственных посадок, так и самих деревень не привела к успешному плановому сельскому хозяйству.

Советская коллективизация, как и танзанийская виллажизация, предусматривала создание институциональных форм, наиболее удобных для государственного контроля и управления. Однако особая жестокость и беспримерные масштабы делают этот высокомодернистский проект наиболее кровавым. Если в истории застройки бразильской столицы архитекторы могли начать практически с пустыря, то советские и танзанийские руководители взаимодействовали с крестьянством, имевшим глубокие исторические корни. Для того чтобы претворить в жизнь свои планы, государство должно было либо считаться с уже имеющимся «материалом», либо избавиться от него. Советское государство явно пошло по второму пути.

Всеми вышеописанными случаями Скотт убедительно доказывает, что формальные схемы и проекты могут работать только благодаря неформальным механизмам, которые помогают заполнить пробелы на схематичных планах. Чтобы убедиться в этом, вовсе не обязательно отправляться в Бразилию. К примеру, Петербург тоже является прекрасным образцом торжества стихийной застройки над упорядоченными планами Леблона. Прорытые прямолинейные каналы на Васильевском острове постепенно заболотились и были засыпаны, а центр города стихийно сложился на левом берегу Невы, за Адмиралтейством. История предъявляет нам немало примеров, когда крушение самых грандиозных проектов предотвращалось практическими импровизациями. Иными словами, «формальное всегда паразитирует на неформальном» (с. 577).

Подавление неформальных процессов ведет к провалу. Основная драма героя высокого модернизма заключается в том, что он пытается истребить неструктурированные, стихийные местные практики, без которых не может выжить. Выводы об опасности стандартизированных практик для человечества, к которым приходит Дж. Скотт в своей книге, актуальны и для современного общества.

Серьезным препятствием к более полному пониманию теории Дж. Скотта является то, что он нечетко показал границы вводимых понятий. Первоначально он обозначает «метисом» местное знание, направленное на познание и объяснение окружающего мира, а впоследствии распространяет его и на местные практики, определяющие особенности функционирования социальных институтов в конкретных локальностях. Последнее он еще именуется «метисом во спасение» (с. 558). Так, на наш взгляд, действия крестьян по выживанию в условиях советской коллективизации правильнее обозначать как местные практики, а наблюдения скотниц за коровьей оспой — местным знанием. Автор книги и то и другое зачастую определяет одним словом — «метис», хотя они имеют разные основания. Производимая этим обобщением путаница мешает оценке значимости локального знания и локальных практик в осуществлении проектов.

Другое досадное упущение, по нашему мнению, — некоторая идеализация метиса. В описании Скотта метис предстает хитроумным Гермесом, в то время как это скорее двуликий Янус. Местное знание обладает не только пластичностью, но и косностью. Оно не всеобъемлюще и не всегда правильно. Скотт мало касается этой стороны вопроса. Зачастую местные обычаи противостоят не только утопичным и формализованным проектам, но и вполне практичным нововведениям. Можно вспомнить сопротивление крестьян распространению картофеля в петровской России, успешно преодоленное усилиями государства.

То же можно сказать и о «метисе во спасение», под которым Скотт подразумевает локальные практики, помогающие выжить населению в трудных условиях трансформации социальных институтов. Они являются для людей способом продвижения по лабиринтам высокомодернистских проектов. Однако локальные практики тоже далеко не всегда выступают со знаком «плюс». Они могут не только «вытянуть» неоднозначные модернистские проекты, но и провалить вполне хорошие начинания из-за своей тяге к традиционности.

Высокомодернистские проекты не учитывают, что мир не статичен, но этого же не учитывает и сам Скотт. Местные практики, являясь важным средством выживания вначале, впоследствии могут стать тормозом. Примером может служить ситуация, сложившаяся в перестроечной и постперестроечной России. После крушения плановой экономики большую роль приобрели неформальные отношения, которые помогли выжить в условиях разрушенных структур. Однако, становясь коррумпированными, неформальные практики являются серьезным тормозом для успешного экономического развития государства. Впрочем, вышесказанное отнюдь не отрицает, а скорее подтверждает теорию Скотта о многообразии и важности знаний и практик, которые никогда не лягут в одну универсальную схему.

Несмотря на то, что описанные Скоттом авторитарные государства и высокоидейные проекты исторически не оправдали себя, ученый говорит о возможности применения данной схемы к современному капиталистическому обществу. Он пишет о том, что капитализм является еще более мощным средством омогенизации и усреднения. Используя термин Маршалла Маклухана, можно сказать, что в настоящее время происходит «макдонализация» всего мира — с минимальным учетом местных особенностей и упорным

стремлением к стандартизации. Идеиные абстрактные образцы заменяются более прагматичными, но не менее схематичными практиками. Несмотря на то, что современные государства не являются авторитарными и обладают демократическими институтами, это далеко не всегда ограждает их от подобных ошибок. Само по себе функционирование демократических структур лишь снижает риски, но не ликвидирует их полностью. Наблюдается стремительное падение роли местного знания в эпоху глобализации. Развитие науки, компьютерных технологий и Интернета, мощные интеграционные процессы практически обесценили локальное «хитроумие». При этом его роль в развивающихся странах значительно выше, чем в индустриально развитых.

В современных условиях теория Скотта может затрагивать три основных аспекта: 1) распространение экономической модели западного общества по всему миру; 2) трансляция западных политических институтов в развивающиеся страны; 3) деятельность транснациональных неправительственных организаций. Последние как раз стремятся смягчить воздействие капитализма на местные сообщества и экосистемы; отрицательный коэффициент воздействия их стандартизированных практик на локальности можно считать наименьшим. Внедрение западных экономических и политических институтов сопровождается значительно большими издержками.

Тулаева С.А.,

*Центр независимых
социологических исследований*